

Два обычных человека.
Один неожиданный поворот.
Одна жизнь, которую они выбирают сами.

Система дала сбой

РОМАН

ЛЮБОВЬ НЕ ВХОДИЛА В ПЛАН.
НО ОНА ИЗМЕНИЛА ВСЁ.

VIVIEN ROUSE

Вивьен Роуз

Система дала сбой

«Автор»

2026

Роуз В.

Система дала сбой / В. Роуз — «Автор», 2026

Анна и Лукас – самые обычные люди с работой, привычной жизнью и планами на будущее. Они случайно встречаются в одном вагоне поезда и постепенно становятся друг для друга чем-то большим. Их отношения проходят через первые свидания, совместный быт, ссоры, примирения и мечты о будущем. Кажется, что они наконец нашли своё место рядом друг с другом. Но однажды Анна получает шанс осуществить мечту, от которой отказалась много лет назад, а Лукас – работу, которой всегда хотел добиться. Теперь им предстоит понять: можно ли сохранить любовь, не отказавшись от собственной жизни?

© Роуз В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. Глава 1. Анна	5
Глава 2. Лукас	8
Г	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вивьен Роуз

Система дала сбой

ЧАСТЬ I. Глава 1. Анна

Утро начинается с белых цифр на чёрном табло будильника: шесть тридцать. Анна просыпается от первого звонка. Повтор она не ставит – давно решила, что если утро можно отложить на десять минут, то и остальное отложится тоже.

Она лежит минуту, глядя в потолок. Потом встаёт.

Квартира-студия, сорок квадратных метров, шестой этаж. Окно на юго-восток, и по утрам комната наливается жёлтым, как чай. Анна никогда не занавешивает это окно. Просто не приходит в голову. Вся мебель расставлена по краям, как будто посередине должно быть что-то ещё, чего пока нет. Диван, который она не разворачивает, потому что живёт одна. Кухонная ниша с двумя цветами на подоконнике – поливает по вторникам и субботам, по календарю в телефоне. Шкаф до потолка. На верхней полке, за свитерами, что-то лежит, и она знает что, но не достаёт.

Душ – горячий. Она любит этот край, когда ещё секунда – и будет слишком горячо. Терпит ровно до щекотки в пальцах, выходит. Вода бежит по кафелю. В прихожей она проходит зеркало почти не глядя, замечает себя краем глаза – волосы собраны в хвост, лицо обычное, усталое с утра по привычке, а не по праву. Не задерживается. Не потому что себе не нравится. Просто нечего там высматривать.

Кофе ровно две ложки. Три горчит, одна сплошная вода. Она знает это не по инструкции, а по вкусу, который за восемь лет стал таким же привычным, как шаги до платформы. Пьёт стоя, у окна, глядя во двор. Там кто-то выгуливает рыжую собаку с белым пятном на боку. Пятно похоже на контур Исландии. Анна замечает это, и сама себе удивляется: откуда взялась Исландия в половине седьмого утра.

Она не художник. Она редактор учебной литературы в небольшом издательстве. Знает ГОСТы, дедлайны и то, как уложить четыреста страниц в триста восемьдесят четыре. Её работа – делать чужие тексты аккуратнее. Своих она не пишет. Не рисует. Уже давно.

Из ящика письменного стола, среди скрепок и чеков, торчит карандаш. «КООН-I-NOOR», 2В, заточенный до иглы. Анна открывает ящик, достаёт карандаш и крутит в пальцах. Дерево тёплое, графит прохладный. Она делает это раз в две недели, по случайным дням, никогда не по вторникам. Кладёт обратно. Закрывает ящик.

На улице осень, серый свет, воздух с запахом мокрого асфальта и прелых листьев. Пять минут до платформы – ноги идут сами, она не замечает дороги, как не замечает собственного дыхания. На платформе люди стоят с одинаковыми лицами в телефонах. Анна выбирает место у второго вагона от головы состава. Она не помнит, когда выбрала этот вагон, но теперь он «её». В чужом вагоне она не садится – там слишком много незнакомого шума.

Поезд приходит с опозданием в полторы минуты, как всегда, по средам. Она не проверяет время – она знает, что полторы, потому что объявление «внимание, отправление» звучит чуть уставше, чем обычно.

Вагон. Анна находит место у окна, садится, достаёт из сумки книгу. Не открывает, просто держит. Обложка потёртая, уголки сбиты, корешок белый от частых ладоней. Она проводит пальцем по корешку, сверху вниз. В вагоне пахнет мокрой шерстью и кофе.

Студент в наушниках, нога отбивает ритм, которого никто не слышит. Бабушка с двумя пакетами, из одного торчит свёрток с луком. Мужчина в серой куртке стоит у двери, прислонившись к поручню. Телефон у него в руке, но он не смотрит в него, а в окно, на серые дома,

проплывающие мимо. Плечи широкие. Поза спокойная, хотя вагон качает. Анна замечает его, задерживается на полсекунды и переводит взгляд. Так делают все, кто привык замечать: не задерживаться.

Она смотрит на его отражение в стекле. Он не оборачивается. Она открывает книгу.

Работа начинается с кофе из автомата и бесконечной ленты правок. Издательство занимает всего два этажа бизнес-центра. Анна делит кабинет с еще одной девушкой по имени Эмма. Она сегодня пришла с неаккуратно подкрашенной помадой, уголок стёрт, и никто ей не скажет. Анна видит и молчит. Это её профессия – видеть и молчать, но обычно про чужие тексты.

Макеты, вёрстка, «Анна, посмотри», «Анна, подправишь». Дедлайн в пятницу: четыре-ста страниц учебника по истории для девятого класса, и нужно, чтобы они выглядели как три-ста восемьдесят четыре. Она знает, как. Ручка по клавиатуре – утро, нога под столом – к обеду, чашка остывшего чая – после трёх.

Старший редактор Ханс постукивает ручкой о стол, когда говорит неправду. Это её маленькая, никем не замеченная карта: сколько раз он за день постучал – столько раз соврал. Сейчас он стоит у её стола и хвалит за чистовик. Ручка молчит.

– Хорошая работа, Анна. Ты умеешь слышать.

– Слышать? Простите, не совсем понимаю...

– Текст слышать, – он поправляет очки. – Не все умеют.

Она кивает. Ест обед за клавиатурой: салат из контейнера, одна вилка, один глаз в экран. В перерыве открывает рабочий блокнот. На полях, в углу страницы, – три линии и тень: рука Лены, держащая чашку. Она не помнит, когда начала это делать. Просто иногда рука сама тянется, пока голова занята чужими предложениями.

Она смотрит на рисунок. Недостаточно наклона, локоть не так. Она знает, как надо, хотя не рисовала серьёзно четырнадцать лет. Знание живёт в пальцах отдельно от жизни.

Мысль, которую она не договаривает до конца: я будто жду чего-то, чего не назову. Она захлопывает блокнот. Рука Лены остаётся внутри, в темноте.

Вечером поход в продуктовый. Яйца, хлеб, сыр, что-то к чаю. Она покупает одно и то же, одни и те же полки, один и тот же ряд, и это почему-то успокаивает. Кассирша устала; между заказами трёт переносицу, и Анна замечает, что у неё красивые руки – тонкие, с длинными пальцами. Хорошая рука, думает она. Для рисунка.

Дома. Яйцо, тост, чай. Сериал на фоне – она не смотрит, но звук нужен, чтобы в квартире не было слишком тихо. Диван, одеяло, чашка. Телефон звонит ровно в двадцать ноль три, как всегда.

– Мам, – говорит Анна. – Да, всё нормально.

Двенадцать минут. «Ела. Спала. Работа нормальная». Погода. Соседка снизу снова развела герань. Анна отвечает в нужных местах – она знает все места, как ноты, которые выучила давно и больше не смотрит.

– Ты какая-то тихая, – говорит мама.

– Я всегда тихая, мам.

Пауза. Потом: – Ну, отдохай.

Отбой. Анна смотрит на телефон секунду, потом ставит его на зарядку.

Балкон. Она не курит. Никогда не курила. Но в ящике кухонного стола есть пачка сигарет, которую она купила полгода назад, сама не зная зачем. Иногда она выходит на балкон и стоит с сигаретой в пальцах, которую так и не зажгла. Смотрит на огни города, слушает, как шумит проспект. Внизу, в чужих окнах, движутся чужие жизни: кто-то моет посуду, кто-то смотрит телевизор, кто-то, как она, стоит у окна и смотрит на чужие окна.

Ей не холодно. Она не грустит. Просто стоит. Это не трагедия – это фон, на котором ничего не происходит, и она привыкла к этому фону, как к белым обоям.

Сигарета, что так и остаётся не зажжённой. Анна кладёт её обратно в пачку.

Она входит в комнату и останавливается посреди. Телевизор бормочет. Вечер закончился, хотя до сна ещё час. И тут она знает, что сделает.

Рука идёт к шкафу сама, раньше головы. Поднимается выше, за свитера. Мышечная память знает, где лежит альбом, даже когда голова ещё не решила его брать. Анна нащупывает угол. Вынимает.

Альбом тяжёлый. Обложка потерлась по углам, как будто его часто носили, хотя она знает, что его открывали всего семь раз за десять лет. На корешке пыль. Она не выдувает её.

Открывает на последнем зарисованном листе: 2019 год, кофе на столе, тень от ложки, падающая вбок. Она помнит, как рисовала это в кофейне, за десять минут до закрытия, торопясь, будто что-то могло уйти. Проводит пальцем по графиту. Не смазывает. Прошлая она рисовала точной рукой.

Карандаш оказывается в пальцах раньше, чем она понимает, что достала его из кармана халата. Он лежал там весь день. Или два дня. Заточен идеально. Дерево тёплое от кармана.

Чистый лист. Белый, с лёгкой шероховатостью, которую чувствует подушечка пальца. Анна садится на пол у дивана, прислонившись спиной к дивану, альбом на коленях. Телевизор бормочет про чужую драму.

Рука движется сама. Вертикальная линия – это край стола. Горизонтальная – тень от лампы, полоса света на полу. Потом – её собственный указательный палец, упёртый в страницу, чтобы не дрожал лист. Она рисует его. Палец, линия, тень. Не портрет. Не пейзаж. Фиксация момента: стол, свет, палец, сейчас.

Семь минут. Она знает, что семь, не глядя на часы, – по дыханию, по тому, как расслабились плечи. Не по секундомеру. По ощущению.

Закрывает альбом. Кладёт на место, за свитера, на верхнюю полку. Карандаш – в картонную коробку, стоящую рядом на полке. Не в ящик стола. Здесь, рядом с альбомом.

Гасит свет. В темноте, уже лёжа, она говорит вслух, тихо, в потолок:

– Хорошо. Просто хорошо.

И последняя мысль, прежде чем сон:

«Может быть, завтра возьму карандаш с собой. В поезд.»

Глава 2. Лукас

Будильник Лукас не ставит. Тело поднимается в шесть сорок пять само, по внутреннему таймеру, отлаженному за годы так же надёжно, как релиз, который никогда не сбоит. Он этим не гордится. Просто так работает.

Квартира – однокомнатная, на третьем этаже. Всё на своих местах, как будто кто-то расставил по линейке и ушёл: кофемашина на кухне, ноутбук на столе, две гантели под диваном, серая куртка на крючке у двери. Ничего лишнего. Холодильник почти пустой: яйца, кефир, половинка лимона, которая уже два дня не подаёт признаков жизни. Он покупает продукты раз в неделю и к воскресенью уже не помнит, что покупал.

Душ – быстрый и холодный, как и всё остальное. Кофе из машины: кнопка, две порции, никаких решений по утрам. Пьёт у окна. Во дворе уже не пусто. Люди идут кто куда. Он смотрит в одну точку, словно медитирует. Мысль *«что дальше»* проскальзывает и гаснет, потому что сегодня вторник, а по вторникам у него есть план.

Одевается. Та самая серая куртка. Надо было купить новую – он знает это уже вторую зиму, но куртка тёплая, целая и «ещё рабочая». И он оставляет её.

До платформы семь минут, шаг ровный, без остановок. Второй вагон от головы. Он не выбирал этот вагон – просто когда-то так получилось, и теперь это *его* место. Дверь, поручень, окно. Он прижимается к поручню, телефон в руке – сначала проверяет соцсети, потом просто держит, не глядя. Смотрит в окно. За окном плывут серые дома, чужие окна, в одном из них мигает телевизор, в другом загорается лампа.

Краем глаза замечает движение. Женщина сидит у окна, держит книгу, но не читает: она проводит пальцем по корешку, сверху вниз. Лукас фиксирует это автоматически, как фиксирует аномалию на графике – необычно, что человек держит книгу и не открывает ее. Регистрирует. Убирает в фоновую память, в ту папку, где лежат случайные факты, не требующие реакции. Поезд трогается, он смотрит в окно.

В его мире всё либо работает, либо нет. Третьего не дано. Сломалось – чинится. Работает – можно не трогать. Он не знает, куда отнести то, что ни работает, ни сломано. Такое он не классифицирует, а неклассифицированное – откладывает в сторону.

Офис в центре, третий этаж. Мониторы, шум, кофе в бумажных стаканчиках. Лукас системный инженер: кластеры, инфраструктура, вся та скучная, невидимая часть, благодаря которой у всех на экранах всё зелёное. Чем меньше о нём говорят, тем лучше он работает. Он это любит – быть тем, кто убрал помеху, прежде чем кто-то успел её заметить.

Сегодня запускают релиз. Он сидит перед экраном, смотрит, как зелёные галочки закрывают строку за строкой. Всё зелёное. Он кивает – самому себе, без улыбки. Курт хлопает его по плечу:

– Красиво, Лукас. Чисто.

– Неплохо, – говорит Лукас.

В его языке есть три слова для всего: «нормально», «неплохо», «разберусь». Устал – «нормально». Тревога – «разберусь». Удовольствие – «неплохо». Он научился этому давно и теперь даже не замечает, как пользуется. Слова – как кнопки на кофемашине: короткие, срабатывают всегда, не требуют размышлений.

Пятница. Бар, пиво, те же трое: Курт, Герман, Лукас. Разговоры катятся по накатанной – футбол, работа, снова футбол. Герман недавно женился и теперь пересказывает, как выбирал диван, в десятый раз, с теми же подробностями. Коля смеётся в нужных местах. Лукас слушает, кивает в нужных местах, как кивает маме по телефону, – ноты давно выучены, текст не меняется.

К концу второй кружки Герман поворачивается к нему:

– Слушай, а ты чего вообще хочешь? Ну серьезно. Жениться там, квартиру побольше, что? Ты же уже большой.

Лукас смотрит в кружку. Хочет. Он честно перебирает: квартира есть. Работа есть. Друзья есть. Футбол по воскресеньям есть. Что ещё бывает в списке того, чего хотят? Он не находит строки. Всё, что он умеет есть. Того, что хотелось бы иметь, он не называет, потому что не знает, как это называется.

– Неплохо бы, – говорит он. – Не знаю. Разберусь.

Курт поднимает тост, тема сваливается в общий смех, и слово «хочу» остаётся лежать на дне кружки. Лукас допивает. Он не достаёт его.

Суббота. Электричка, час, пригород. Мама живёт в квартире с геранями на подоконнике. Она ставит чай, спрашивает про еду, про сон, про работу. Он отвечает.

– Всё нормально, мам.

Она смотрит на него долго, как будто хочет спросить ещё что-то, но не спрашивает. Вместо этого: – Ты бы познакомился с кем-нибудь, Лукас.

– Неплохо бы, – говорит он.

Она не понимает, шутит он или соглашается. Он тоже.

Воскресенье. Коробка за гаражным кооперативом, команда – Курт, Герман и ещё четверо таких же, кто ходит сюда каждое воскресенье. Лукас играет в центре, там, где надо видеть поле целиком. Он хорошо читает игру – так же, как читает графики: раскладывает на движения, предугадывает на два хода вперёд. Мяч, бег, пот, крик. Здесь он не думает. Здесь он просто есть – и это единственное место в неделе, где ему ничего не надо решать.

После игры – пиво у коробки. Солнце садится, все смеются, спорят, кто забил, у кого была передача. Лукас сидит на бортике, чувствует, как стекает пот по шее. Хорошо. Просто хорошо.

Вечером он возвращается домой. Пустая квартира встречает тишиной. Он вешает серую куртку на крючок, стоит у окна, смотрит на огни, как смотрел утром, не видя. Завтра понедельник. Всё повторится: поезд, работа, пятница, воскресенье. Это не страшно и не грустно. Это просто – как дышать.

Перед сном, уже лёжа в темноте, он вспоминает женщину в поезде. Ту, с книгой, которая не читала. Не образ, а факт: завтра утром она, может, снова будет во втором вагоне. Он не знает, зачем это помнит. Просто убирает в ту же папку случайных фактов и засыпает.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.